

Ольга Сквирская.

**Сабай
вместо музыки**

Ольга Евгеньевна Сквирская

Сабай вместо музыки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51608412

SelfPub; 2020

Аннотация

Сабай – слово тайское. Это такой гибрид между кайфом и расслабоном, в условиях тропического рая. Лежать в гамаке, под пальмой, с видом на море, со смартфоном в одной руке и коктейлем в другой – примерно так можно описать «сабай-сабай». Только что общего у «сабая» с уроками игры на фортепиано? Это две вещи несовместные. Тем не менее пара музыковедов из далекой Сибири на полном серьезе занималась преподаванием музыки на тропическом Острове, в условиях Сабая. Не то, чтобы успешно, но они хотя бы попытались. Результатом явилась куча курьезных историй, а значит, все было не зря. Книга является продолжением книги "Музыкальное воспитание в стиле "сабай". В первой книге собраны забавные истории из педагогической практики в тайской музыкальной школе, а вторая посвящена музыкантам, которые работали в этой школе, и веселым недоразумениям, в которые они попадали. Ведь эта музыкальная школа находится в Стране Улыбок.

Содержание

Уроки музыки под пальмой	4
Стеснительный ребенок	11
Почем тайская девственность	15
Загадки Страны Улыбок	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Уроки музыки под пальмой

Имена и географические названия изменены. Все совпадения с реальными людьми давайте считать случайностью.

Меня часто спрашивают: в чем специфика обучения музыке тайцев?

Вот уже много лет мы с мужем преподаем музыку на тайском тропическом Острове. Сказать, что здешний стиль преподавания музыки отличается от нашего, российского, – ничего не сказать.

Давайте по порядку.

1. Тайский стиль жизни описывается триадой «санук, сабай, суай». В переводе это означает примерно – «пусть мне будет хорошо, позитивно и красиво». Казалось бы, все это вполне сочетается с приятными музыкальными звуками.

Но такая особенность буддийского менталитета, как пребывание в моменте «здесь и сейчас», несовместима с долгим обучением игре на фортепиано. Вот такой парадокс!

Мать учения – терпение, но только не на нашем Острове, увы.

Тайские студенты, большие и маленькие, охотно приходят к нам учиться («сделайте мне красиво»), но сообразив, что эта тягомотина надолго, испаряются.

2. Слуховой опыт, необходимый для классического обра-

зования, у тайских студентов полностью отсутствует.

«Таиланд» в переводе означает «Страна свободных людей». Что ж, тайцам есть чем гордиться: их родину никогда никто не колонизовал, не насаждал чужого языка и чуждой культуры, в том числе и музыкальной.

Но где плюс, там и минус.

Европейское музыкальное мышление тайцам глубоко чуждо. Даже когда тайские профессионалы пытаются подражать музыке «белых» и «черных», то выглядит это так, словно неудачно импровизируя, они то и дело попадают впросак.

Тайские ученики плохо чувствуют ладовые тяготения, ведь фольклор народов Азии основан на пентатонике. С трудом различают они функции полного гармонического оборота, потому что им не свойственно мыслить в рамках мажоро-минорных ладовых отношений.

А еще тайцам сложно постичь временную природу музыкального языка. По нотам они играют, словно книжку читают, – извлекают «голые ноты», вне ритма и метра, с произвольными остановками.

А с ритмом не справляются даже самые продвинутые тайские музыканты.

...Был у Саши взрослый студент, который уже было подступился к Инвенциям Баха.

Он виртуозно поливал своими изящными ручками партии правой и левой руки ... в разных темпах. Как только ему это удавалось!

Адских усилий стоило Саше привести его музыку к единому метроритму.

3. Что до интонационной выразительности, фразеологии, штрихов, чувства формы... Для наших аборигенов это прямо высшая математика, и до нее дело доходит чрезвычайно редко.

Но порой-таки доходит.

...Учился у Саши Джакарин, парень лет тридцати пяти. Пьющий, прокуренный, с хвостом на затылке, он поигрывал в какой-то ресторанной группехе, а заработанные деньги тратил на уроки по фортепиано.

Развивался студент весьма скачкообразно. Когда Саша его принял, Джакарин еле ковырял менуэты из «Нотной тетради Анны Магдалены Бах».

Однажды подслушав под дверью, как Саша, он же Тичер Алекс, играет Турецкий марш Моцарта, он выпросил эту пьесу себе, в репертуар.

Через какой-то месяц уже лихо наяривал Марш. Как у всех тайцев, у него были небольшие кисти и подвижные пальцы, словно созданные для мелкой техники.

Подслушав тем же путем Экспромт-Фантазию Шопена, Джакарин возжелал и ее. Не в силах отговорить ученика, Саша уступил.

– Ладно, пусть порезвится, – решил Тичер Алекс, выдав студенту ноты.

Каково же было его удивление, когда уже через неделю

Джакарин освоил текст сложного произведения! Удивленный педагог, музыкально «причесав» транслируемый текст, по такому случаю записал видео.

– Невероятно! – изумлялись венские профессора, посмотрев ролик. – Вы оба хорошо поработали.

Но что делать с этим достижением на тропическом Острове? В один прекрасный Джакарин исчез – запил по-крупному. А там иссякли деньги, и занятиям конец.

4. Еще одна прикольная особенность обучения музыке в условиях Сабая – отсутствие цели.

Чего хочет ученик? Чего хотят его родители?

Тайские родители относятся к обучению музыке не как к образованию, а как приятному времяпрепровождению. Типа, кружок такой. Ребенка водят в школу до первого «не хочу».

...Один тайский небедный папа привел ко мне дочку. Девочка выучила с рук Собачий вальс. Отец пришел в полный восторг, выписал ей из Бангкока пианино и ... забрал из музыкальной школы. Почему?!

– Она уже умеет играть, – объяснил тайский папа.

5. Сильно удручает нас отсутствие музыкального вкуса у тропических студентов.

Тайцы любят популярную классику, но странную любовь. Они усекли, что хорошие композиторы – те, кто пишет мотивчики для их мобильных.

Увы, пока это единственный источник познания класси-

ческой музыки на Острове Чунга-Чанга. Концертных залов в тропиках нет.

У азиатов принято выбирать то же, что и все. А все играют Бетховена, – «К Элизе», «Лунную сонату» (причем в Ми миноре). Незвестную музыку, не менее обаятельную, они отказываются играть, – ну никто не хочет прослыть оригинальным.

В Стране Сабая в моде «классика лайт» – такая музыка в стиле «релакс», типа Канона Пахельбеля.

Но большинство уважает американскую попсу, которая доносится из каждого бара, в исполнении филиппинцев, и поэтому самым популярным инструментом у тайцев является гитара. Они норовят по-быстрому освоить несколько аккордов, чтобы мурлыкать хиты, подражая ресторанным музыкантам.

Увы, и это не предел падения вкуса. Однажды Саша дал мне посмотреть ролик «Гангнам-стайл», со словами «Куда мы катимся!». Это оказалось любимой «музыкой» его тайского ученика.

После такого остается только заплакать и уйти из профессии.

6. Многие тайцы норовят стать музыкантами, минуя ноты. Даже в музыкальных школах вокалисты учатся петь в режиме «караоке», схватывая на слух мотивчики популярных песен.

Гитаристы и подавно не заморачиваются никакими «тео-

риями музыки». У некоторых тайских учителей уроки игры на гитаре ничем не отличаются от передачи опыта с рук в наших подворотнях. Те же «три бластных аккорда» наощупь, типа, «малые звездочки», «двойники» и «раскоряки».

Однажды Саша попытался с Тичером Соном дуэтом сыграть «Осенние листья». На репетиции он имел неосторожность поинтересоваться, в какой тональности тот собирается играть. Преподаватель игры на гитаре не смог ответить на этот вопрос, в результате «потерял лицо» и обиделся.

С тех пор мы не задаем тайским музыкантам дурацких вопросов.

7. Благодаря бракам между так называемыми «фарангами» и тайками (реже наоборот) подрастает новое поколение метисов. Скоро можно будет говорить о новом музыкальном (и не только) мировоззрении.

Европейские родители регулярно возят чадо на свою родину, где ребенок волей-неволей обогащает свой кругозор и, применительно к музыке, слуховой опыт. У этих детей меняется вкус, появляется желание заниматься музыкой и даже возникают культурные амбиции, а это уже шаг к полноценному музыкальному образованию.

Так один Сашин ученик, малыш лет десяти, сын тайки и француза, минуя учебные пьесы и упражнения, замахнулся на «Полет шмеля», подслушав хит русской музыки в какой-то рекламе.

Заказывает музыку тот, кто платит. В тайской музыкаль-

ной школе не учитель руководит процессом обучения, а ученик указывает учителю – «научи меня играть это».

Так, мальчик чуть ли не с рук выучил виртуозное произведение, – и даже лихо оттарабанил его от начала до конца. Поначалу левая с правой играли в разных темпах, но ребенок довел свою идею до конца.

Правда, Тичер Алекс никак не мог понять, зачем это надо, пока ученик не признался ему:

– Я хочу быть единственным мальчиком на Острове, который умеет играть это!

И ведь стал.

...Несмотря ни на что, мы счастливы и довольны. Во-первых, мы в Таиланде, и после уроков бежим на берег моря.

Во-вторых, обучение музыке здесь шадящее, позитивное и веселое. Сплошной сабай-сабай.

Стеснительный ребенок

– ... «У Оленя дом большой, он глядит в свое окошко...»

Лиля, почему не поешь?

Урок музыки в тайской музыкальной школе.

Рядом с пианино стоит пятилетняя Лиля, длинноволосое загорелое чудо со смеющимися глазами. Родители – бизнесмены из Москвы.

Под мой аккомпанемент кроха молча и сосредоточенно глядит в пространство.

– В чем дело, Лилечка?

– Я пискую щечочу, – с очаровательной непосредственностью сообщает она, вынув руку из-под платья, затем для лучшей наглядности задирает юбочку, демонстрируя отсутствие трусиков.

Сказать, что я растерялась, – ничего не сказать: мои глаза выпали из орбит и раскатились по клавишам.

– А ... зачем?

– Чтобы щекотно было, – снисходительно, как маленькой и глупой, объясняет мне девочка.

Я набрала побольше воздуха, чтобы выложить все, что полагается в подобных ситуациях училке старой закалки, – типа, «это нехорошо», «ты должна вести себя прилично», «девочку украшает скромность» и т. д...

...И выдохнула обратно.

Во-первых, скромностью в наше время, увы, гордится тот, кому гордиться больше нечем.

Во-вторых, россиянин с дискредитированной до униженности профессией «учитель», увы, не имеет морального права учить жить ребенка предпринимателей. Даже в Таиланде.

В-третьих, я принципиально не воспитываю детей. Я только лишь обучаю их музыке.

Что, если мои представления о воспитании не совпадают с родительскими представлениями о том, какими стать их детям?

Все изменилось, времена и нравы. В наше время нахамившего учительнице школьника вызывали к директору, и тот стоял, опустив голову, а матушка рядом краснела от стыда.

Сейчас могущественный бритоголовый папаша, он же спонсор школы, за наглость еще и похвалит свое чадо – дескать, орлом растет, – скорее училку выгонят за профнепригодность. Недавно в Москве, говорят, один ученик застрелил из ружья «географа» за то, что тот не поставил ему пятерку. Так что ученики нынче еще те, увы.

А если ближе к телу, то есть насчет «щекотания письки»

...

...Когда-то один молодой европеец попытался пересказать мне вот такую шутку: вроде как один дядя спросил даму, зачем женщины расхватывали в магазинах все вибраторы?

На что та ответила: неужели вы думаете, что кто-то эксплуатирует их по прямому назначению?..

Не смешно.

Слегка раздосадованный явным провалом хохмы, парень поинтересовался у меня: как, разве русские одинокие женщины не пользуются вибраторами в интимных целях?

Дико извиняюсь, сказала я ему, но у русских женщин места такого в голове нет, которым они могут думать про вибратор. (На дворе пресловутая «перестройка», если что).

– А о чем?

– О еде. Об очередях. О новых теплых сапогах.

Спустя десятилетия многим покажется, что я преувеличиваю, но отнюдь.

...Зато не прошло и четверти века, какросло новое поколение, обеспеченное, лишенное комплексов неполноценности, называющее вещи своими именами, способное оценить шутку про вибратор, умеющее извлекать «сабай-сабай» отовсюду и использующее «письку» не только ради «пописать». Может, пора радоваться, а не морали читать?

Не мне, старорежимной училке музыке, становиться на горло песне будущей топ-модели, звезде шоу-бизнеса, а то и новой Мэрилин Монро (кстати, та тоже не признавала нижнего белья).

И вообще, какое мне дело до чужих «писек».

...Я только всего и сказала, что:

– У нас сейчас урок музыки, Лиля, и давай заниматься

музыкой, и ничем больше, хорошо? Так споем песенку. Ручки вверх, покажи, какие рога у Оленя! Вот так! Три, четыре: «У Оленя дом большой, он глядит в свое окошко...» Ну вот, опять не поешь. Почему?

– Я стесняюсь... – опустила глазки девочка.

Почем тайская девственность

Мы снова на своем любимом Острове Чунга-Чанга. Только что прилетели из Сибири «домой».

Конечно, в тот же вечер пригласили Эмму в гости, на суп из белых грибов, поблагодарить за заботу о кошках.

Эмма, студентка Венской консерватории, – наша коллега. Невысокая, с ассиметричной стрижкой, с порывистыми мальчишескими ухватками и высоким исполнительским темпераментом, она импонирует нам куда больше, чем предыдущая скрипачка, нежная избалованная моделька, которая все играла в стиле «мана-мана» и без конца ныла. Юная Эмма более стойко принимает жизненные невзгоды и бытовые неурядицы.

Едва стемнело, как она появилась в новеньких синих «фисшерманах» – так называются специальные тайские широкие штаны. Как вся тайская одежда, они совсем не элегантные. Но до того удобные, что аж завидно. Сплошной сабай-сабай.

– Купила сегодня в Натоне, очень дешево, – похвасталась она. – Всего сто бат.

– Куплю такие же, – немедленно решила я, разливая коричневый ароматный супчик.

– Боровики сами собирали в тайге, – объявил Саша. – Попробуй.

– Ну, колись, как дела в музыкалке, – приступаем мы.

Девушка, скорчив гримасу, безнадежно махнула рукой. Все ясно: вот и у нее начались проблемы с директором школы.

...Он появился у нас недавно.

Тогда я не сразу поняла, что низенький щуплый дедок, с крашенными в радикально-черный цвет волосами, в стиле «смерть в Венеции», и есть «новая метла». Полдня он скромно сидел в фойе, из угла наблюдая за вялотекущей будничной жизнью тайской музыкалки, и только потом приступил к знакомству с преподавателями.

– Кун Нан, – протянул он мне руку. («Кун» – вроде как «господин»).

– Как, простите?

– У меня есть и австрийское имя – Йозеф, но я взял себе тайский никнейм, – пояснил он. – Слишком давно живу в Таиланде.

Знакомства ради Кун Нан пригласил нас с мужем в тайский ресторан на Ламае.

Захватив нас из дома на черной машине, он вырулил на круговую дорогу, попутно делая любопытные замечания:

– А вот тридцать лет назад здесь не было никакого шоссе.

– Вообще дороги не было? – изумились мы.

– Была, но гравийная.

– Насколько мы знаем, тридцать лет назад здесь жили только рыбаки и хиппи. Неужели вы хиппи?..

Кун Нан кивнул с печальной улыбкой.

Да, первые островные бизнесмены вышли из хиппи, и до сих пор в тощих татуированных стариканах с седыми косичками, хвостиками или дредами проглядывает их растаманское прошлое. Но меньше всего напоминал хиппи этот европейский респектабельный дедуля.

– Ни туристов, ни отелей, ни электричества, ни машин не было, – продолжал он воспоминания.

– Машин не было?! – не поверила я, покосившись из окна на бесконечную вереницу автомобилей, моторбайков, макашниц на колесах и прочих беспредельщиков, забивших до отказа узкую дорогу и беззастенчиво нарушающих, кто во что горазд.

– Гаишников на них нет, – заворчал Саша. – Полиция тут для того, чтобы штрафовать байкеров без шлемов.

– Да-да, пятьсот бат с человека, – кивнул Кун.

– Нет, всего триста, – возразила я. – У нас недавно друга оштрафовали.

– Ну, это промоушн-акция, – пошутил Кун. – Нормал прайс пятьсот.

Мы одобрительно расхохотались.

Ресторан Кун Нан выбрал на самом песке Ламайского пляжа.

– Здесь я и жил тридцать лет назад, примерно в такой хижине, – он кивнул на треугольные фольклорные бунгало с крышами из кокосовых листьев, рядом выстроившиеся

вдоль берега. – Кстати, с Ламаия началась застройка Острова.

...Я представила себе невысокого «фаранга», сидящего в позе лотоса на пороге бунгало, затягивающегося марихуаной и глубокомысленно взирающего на мятежный прибой волн, – в этой стороне Острова почти всегда ветрено, – и никак не могла увязать этот образ с нынешним, добропорядочным дяденькой.

К нам присоединился еще один австрийский богемный седоватый супермен.

– Познакомьтесь с моим другом Людвигом, – представил нам Кун.

Седой Людвиг оказался ударником джазового оркестра. Всю трапезу он виртуозно стучал на всем подряд: на столе, на коробочке с зубочистками, на перевернутых стаканах.

Каждый заказал себе по пиву и по том-яму. Ну очень остро.

...Мы с Сашей меж собой называли его Куном Иосифом, или просто Куном, хотя меньше всего тот походил на тайца: преувеличенно интеллигентный, обладающий аристократическими манерами, европеец. И вообще птица важная.

Мы развели, что пианист по образованию, он много лет преподавал в Вене. По совместительству продюсер, Кун Иосиф успешно подрабатывал в Бангкоке организацией оркестровых концертов для Его Королевского Величества.

Мы поразились обилию откуда ни возьмись появившихся в школе преподавателей, да весьма приличного уровня, – пи-

анистов, гитаристов, скрипачей, даже одного дирижера. Чудесным образом Кун притащил их из музыкальной Мекки – из Вены. Школа сразу торжественно переименовалась в социальных сетях в Австрийско-тайскую академию.

При этом по-прежнему стояла полупустой: учеников на маленьком тропическом Острове Чунга-Чанга не прибавилось. Разве что капризные отпрыски «новых русских», с которыми никто не брался заниматься, кроме меня (и то от безысходности).

Однако Кун принципиально не вдавался в преподавательский процесс. Свое руководство школой он осознавал, как организацию рекламных концертов по школам и торговым центрам. Все эти мероприятия заканчивались тусовкой всего трудового коллектива в каком-нибудь недорогом тайском ресторане.

...Первым взбунтовался старый барабанщик. Как оказалось, Кун пообещал оплатить билеты, апартаменты, подогнать учеников и организовать халтуру по отелям, но ровным счетом ничего из этого не выполнил.

Затем Куна вычеркнул из жизни гитарист: с месяц провалявшись без учеников на пляже, послал директора куда следует, а сам уехал восвояси домой, в Европу.

Скрипачка-блондинка устроила Куну целый ряд истерик, даже пыталась куда-то жаловаться, и кое-как проскрипев месяца три, тоже покинула Страну Сабая, на прощание обозвав Куна лжецом и авантюристом.

Потом с Куном расплевался пианист. И только мы безропотно преподавали за свои три копейки: нам ничего не обещали, нечего было и терять.

Удивительно, что вследствие этих событий Кун отнюдь не покрывся пеплом: его походка по-прежнему была исполнена неторопливого достоинства, а крашенная голова высоко поднята, разве что в глазах поселилась глубокая печаль, якобы от людской неблагодарности.

На смену сбежавшим коллегам Кун оперативно подогнал новую плеяду блестящих австрийских лабухов: пожилого саксофониста Геральда с седым пианистом Питером, а также юную скрипачку Эмму.

Очередной концерт в торговом центре успешно продемонстрировал небывалую мощь нового преподавательского состава: Саша с Эммой расстреляли все патроны в Чардаше Монти и прочей «крайслериане», пожилой дуэт с шиком продемонстрировал дорогостоящее кабацкое мастерство в популярных джазовых стандартах, и даже сам Кун внес свою лепту, спев I did my way от Синатры, эффектно опустившись на одно колено в третьем куплете (оказывается, он еще и поет).

Правда, кроме «сабая», Кун по-прежнему не смог ничего предложить выдающимся педагогам, засучившим было рукава.

На самом интересном месте мы с Сашей отбыли на Родину на месяц, завещав Эмме наших кошек, а венской элите –

русских «трехлетних студентов».

...К нашему возвращению пожилой дуэт съехал, разругавшись с Куном, поскольку тот нарушил очередную порцию обещаний. Свалила и разобиженная вокалистка. Осталась лишь юная Эмма.

Но и та больше не пыталась скрыть активную неприязнь к директору. В страшном негодовании размахивая руками, девушка принялась жаловаться на Иосифа: не доплатил, не организовал, нарушил слово, та же песня. Но даже не это главное... Что-то еще?

...Кое-как в ее сбивчивом английском потоке сознания мы уловили суть основного преступления Куна Иосифа. Оказалось, в очередном культурно-массовом походе в ресторан он продемонстрировал музыкальному католическому обществу ... красивую молодую тайскую любовницу, свою бывшую ученицу.

– Он купил ее, – торжествующе преподнесла возмущенная до глубины души Эмма. – Да-да, за деньги! За ее девственность он заплатил двенадцать тысяч евро, представляете? Это было так: он договорился с семьей, показал деньги, но не отдал, затем повез ее к геникологу, – до этого, конечно, никакого секса, – а когда доктор письменно подтвердил девственность, только после этого он оплатил – и повез заниматься сексом... Это отвратительно, – чуть не плакала девушка.

– Только не расстраивайся, – растерялись мы.

– Да это же педофил! В Австрии он сидел бы в тюрьме – там ему самое место.

– А сколько лет тайке? – поинтересовалась я.

– Двадцать один.

– Какой же он педофил? – засмеялся Саша.

– Так это все было три года назад, – пояснила Эмма.

– Ну, восемнадцать – тоже не дитя, – улыбнулась и я. – Кстати, для тайской девственности это прямо срок.

– Ну, все равно он педофил – «ин майнд», в голове! – не сдавалась Эмма. – Это гадко, гадко!

– За «ин майнд» в тюрьму не сажают, мало ли что кто себе воображает, – защитила я Куна. – Были бы все маньяки «ин майнд» ...

– погоди, Эмма, – задался вопросом Саша. – Но откуда ты все это знаешь? Неужели Кун тебе, невинной австрийской католичке, сам во всех подробностях рассказал, как именно он приобретал эту девственницу?

– Ну, не мне, конечно. Он похвастался перед Геральдом и Питером. Это гадко! Еще и хвастается этим!

– А ты вон купила себе «фишерманы» и тут же похвасталась, так ведь? При этом заплатила каких-то сто бат, а он – аж двенадцать тысяч евро, так как не похвастаться, – возразила я.

– И что, мужики тут же его тебе сдали? – допытывался Саша.

– Нет, конечно, все было не так. Питер утром пришел в

кафе, весь белый. Сказал, что не спал ночь, все думал...

– О чем? – спросила я.

– Почему так дорого, вот о чем, – предположил Саша.

– И тут же выложил все тебе?

– Да нет!! Он рассказал Геральду, а Геральд рассказал мне. А потом мы пошли поужинать в австрийский ресторан на Майнаме, встретили там земляка и рассказали ему. Но вот что странно: тот высказал совершенно противоположное мнение: дескать, не Йозеф, а эти тайцы сволочи, потому что разорили мужика, заломили так дорого.

– Я тоже так думаю, – согласился Саша. – Он переплатил.

– Но это еще не все: позже в этот ресторан пришел сам Йозеф, так он, представьте, был уже с другой тайской красоткой!!

– Еще двенадцать тысяч евро, – сложил Саша. – И откуда у человека столько денег?

– Как это откуда: он мне обещал оплатить половину билетов в Таиланд и обратно, но не оплатил...

– Сколько он тебе должен?

– Четыре тысячи евро, – пожаловалась Эмма. – Если бы я знала, что я трачу собственные деньги, я бы нашла лучшее применение этой сумме, чем лететь сюда...

– Еще две таких, как ты, – и можно покупать следующую девственность, – вычислила я.

– Кстати, Геральд сказал, что Йозеф происходит из богатой семьи, но поскольку два раза был женат на тайках и оба

раза при разводе оставил каждой жене по дому, то у него сейчас почти ничего не осталось, – посплетничала Эмма.

– Несчастный мужик, – посочувствовал Саша.

– Скажи еще, что он щедрый и благородный человек, – усмехнулась я.

– Сам он считает именно так, – подтвердила Эмма. – На мой вопрос «почему он живет в Таиланде» Йозеф ответил, что мы, культурные европейцы, имеем возможность помочь людям в этой стране...

– Ха-ха-ха! Так он приехал сюда с особой миссией, – развеселилась я.

– Да, с сексуальной миссией! Скупать девственность, – съехидничала Эмма.

– Да ладно вам: тайке хорошо, ее многочисленной семье хорошо, Куну хорошо, выходит, от этой сделки все только выиграли, сплошной сабай, – подытожил Саша. – В чем проблема?

– В том, что он не оплатил Эмме билет, – сказала я.

– А кому сейчас легко, – философски заключил Саша.

Загадки Страны Улыбок

– У тебя новая ученица, зовут Энн, – сказала мне Кун Плой, менеджер музыкальной школы. – Я поставила урок на завтра, на одиннадцать. Сможешь?

– Окей, – прикинув, подтвердила я.

Энн оказалась рослой веселой девушкой лет двадцати пяти с длиннющим черным блестящим хвостом. Она выглядела интеллигентнее, чем ее легкомысленные сверстницы на Острове: прекрасно говорила по-английски и даже на фортепиано успела где-то поучиться.

Начала Энн с того, что храбро поставила на пюпитр ноты довольно заковыристого регтайма – и тут же запуталась в прихотливом ритме и резко звучащих септаккордовых созвучиях.

Отчаянно перетряхнув весь свой скудный словарный запас английских слов и итальянских терминов, я безуспешно попыталась объяснить ей, что такое свинг, и что пунктирный ритм в джазовых композициях играется с делением на три, а не на четыре... Предложив прохлопать для наглядности, с ужасом обнаружила, что у Энн полностью отсутствует чувство ритма, метра, гармонии и мелодии...

Отложив регтайм до лучших времен, мы с Энн выбрали учебник первого уровня для взрослых. Я поставила по га-

лочке над парой легких пьесок, и мы расстались до будущей недели.

Когда я зашла в фортепианный класс, Энн уже всю повторяла пьесы. Не избалованная пунктуальностью соотечественников, я осталась приятно удивлена моей новой тайской ученицей (я мысленно окрестила ее по-простому Аней).

А еще через пару уроков мы обе почувствовали явный прогресс: у Ани появился ритмический пульс, окрепло туше, стал качественней звук. Она не на шутку гоняла гаммы, наращивая темп, старательно отработывала упражнения Ганона (которые даже я с детства ненавидела), и крупные руки, прежде зажатые и скрюченные, теперь выглядели более раскрепощенными.

За свободой корпуса я тщательно следила, регулярно похлопывая девушку по острым плечам, чтобы при игре она не задирала их до ушей.

Удивительно, но языковой барьер нам не мешал: в нашем деле иногда проще показать руками, чем объяснить.

В конце каждого урока Аня с завидной настойчивостью доставала ноты своего регтайма. Пьеса явно была не по Ане, тем не менее мы продвигались, по такту, по паре аккордов.

– ...Представляешь, Саша, она ни одного урока не пропустила, выполняет все домашнее задание. – Вот это девушка!

– Лучше бы раскрутила на замужество какого-нибудь старого буржуйского фаранга, – возразил циничный муж.

– Она не такая, – обиделась я.

– А может, все дело в том, что она не девушка? – навскидку спросил Саша. – Мы же в Таиланде.

Это уж точно, здесь говорят так: если девушка высокая, стройная и ухоженная, то это парень.

– Ну и шуточки и тебя, боцман, – запротестовала было я...

...Я вспомнила острые широкие плечи, кадык, крупные ноги и руки, солидный рост. Да, вот еще одна странная деталь: Аня носила темно-синие спортивные шорты с лампасами, стопроцентно мужские. Видимо, по привычке. Тайская девушка скорее надела бы какие-нибудь джинсовые шортики с рюшечками или вроде того.

– Точно – это парень... – растерянно пробормотала я. – Как я сразу не поняла! Два месяца я ее учу, и только сейчас дошло... То есть его...

– Да ты и кошку два месяца считала котом, – ехидно напомнил Саша.

– А сам-то? Кто назвал ее Слоненком?

...С этим Слоненком произошла странная история.

Наша старая знакомая Тигра подкинула нам своего котенка, а сама отправилась во все тяжкие.

Малыш был полностью черный, дикий и пугливый. Он жил в кустах возле домика, оттуда громко требуя молочка и куриных шкурок. Он жадно поглощал еду в любых количествах, но питался только тогда, когда мы отходили подальше. Если нет, шипел из кустов, открывая ярко-розовый ротик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.